Религіозно-философская

БИБЛІОТЕКА.

Выпускъ I.

ЗАБЫТЫЙ ПУТЬ

М. А. Новоселова.

1902 г.

Религіозно-философская

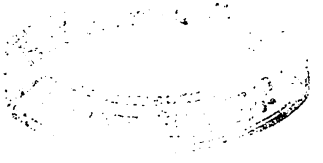
БИБЛІОТЕКА.

Выпускъ I.

ЗАБЫТЫЙ ПУТЬ

М. А. Новоселова.

1902 г.



090
37

ЗАБЫТЫЙ ПУТЬ

ОПЫТНАГО БОГОПОЗНАНІЯ

(въ связи съ вопросомъ о характерѣ православной миссіи).

Вышній-Волочекъ.
Типографія В. С. Соколовой
1902 г.

Отъ С.-Петербургскаго Духовнаго Цензурнаго Комитета печатать разрѣшается. С.-Петербургъ. 16 Ноября 1901 года.

Цензоръ Архимандритъ **Арсеній.**

Испытывайте самихъ себя, *въ вѣрѣ ли вы?* Самихъ себя изслѣдывайте. Или не знаете самихъ себя, что *Іисусъ Христосъ въ васъ?* Развѣ только вы не *то, чѣмъ должны быть* (II. Кор. XIII, 5).

Вотъ что говоритъ въ одномъ изъ своихъ *Писемъ о христіанской жизни* извѣстный подвижникъ и ученый докторъ богословія епископъ Ѳеофанъ.

„Всякому должно *испытать* и *несомнѣнно увѣриться*, истинна ли та вѣра, которой онъ держится, и если она окажется не истинною, отыскать, гдѣ та единая, истинная, которая истинно ведетъ къ истинному Богу и даруетъ несомнѣнно вѣчное спасеніе. Это такъ обязательно и понудильно, какъ исхищать себя изъ огня.... *Господь не несвидѣтельствована Себе оставилъ* (Дѣян. XIV,17), а равно и единой своей истинной вѣры; но когда онъ попустилъ, чтобъ близъ нея на сей землѣ существовали другія вѣры и какъ бы вступали съ нею въ соперничество, то тѣмъ самымъ на всѣхъ наложилъ обязательство не безъ смысла дер-

жаться вѣры Его, а по несокрушимымъ основаніямъ, ради которыхъ съ полнымъ убѣжденіемъ отвергается все прочее. Симъ испытаніемъ воздается честь вѣрѣ и удерживается истинное достоинство человѣка, лица разумнаго, сознательнаго, совѣстнаго. Вѣра наша въ нашу вѣру, т. е., убѣжденіе въ истинѣ православнаго христіанскаго исповѣданія должна быть разумная. Посему Господь, чтобы расположить къ вѣрѣ въ Себя и Свое ученіе, говорилъ: *„испытайте писанія“* (Іоан. V, 39), убѣждалъ къ тому проповѣдію Іоанна Крестителя и своими чудесами. Апостолы въ проповѣди тоже всѣхъ убѣждали и только однимъ убѣжденіемъ пріучали къ вѣрѣ, а не насиліемъ. Самая твердость исповѣданія зависитъ отъ сего убѣжденія, а далѣе и вся жизнь въ духѣ своей вѣры. На это указываютъ безчисленные опыты, отъ коихъ видно, какъ сильно иные возбуждаются къ сообразной съ вѣрою дѣятельности, съ минуты сознанія ея истинности единственной, и напротивъ, какъ многіе спятъ въ безпечности отъ того, что не привели въ ясность сего сознанія. Сколько основаній къ тому, чтобы испытать и увѣриться, какая вѣра есть вѣра истинная!

Какъ же увѣриться и какимъ путемъ испытать? Къ сему два способа: одинъ внѣшній, научный, а другой внутренній, путь вѣры. Первый предлагается обыкновенно въ систематическомъ изложеніи Богословія. Онъ дѣйствителенъ и для ученыхъ существенно необходимъ; но, очевидно, не всеобщъ, ибо въ основаніи своемъ содержитъ знанія, не для всѣхъ доступныя.... Нельзя (кромѣ того) не видѣть, что сей путь очень, очень дологъ и труденъ, и, что особенно замѣчательно, помѣщаясь въ головѣ, оставляетъ сердце самому себѣ, *своему своенравію и свободѣ* (т. е. тому, что главнымъ образомъ разъединяетъ человѣка съ Богомъ. Ср. св. Исаака Сир.: „Вѣра *по наукѣ* не освобождаетъ человѣка отъ гордости и сомнѣнія)". Путь *вѣры* искреннѣе, внутреннѣе, живѣе, многоплоднѣе и общедоступнѣе. Это молитва къ единому истинному Богу о вразумленіи. Есть Богъ истинный. Онъ сказалъ волю Свою намъ въ наше спасеніе, съ желаніемъ, чтобъ она была понята и выполнена. Теперь мудрованіями людскими она скрыта, или запутана до того, что тотъ или другой не имѣетъ достаточно силъ найти исходъ изъ сего лабиринта. Когда, въ чувствѣ сей кровной нужды, съ воплемъ, стенаніемъ, болѣз-

нію сердечною, обратится кто къ Богу, истинному Отцу всѣхъ человѣковъ, Богу, желающему, чтобъ вѣра Его была дѣйственною, можетъ ли быть, чтобы Онъ не далъ такому рѣшительнаго указанія къ убѣжденію въ истинѣ ея?.... Примѣры убѣжденія въ вѣрѣ симъ путемъ почти повсюдны. Корнилій сотникъ испросилъ себѣ вѣру.... Множество было такихъ, кои приходили къ пустынникамъ вопрошать о вѣрѣ, а они, вмѣсто всѣхъ доводовъ, заставляли ихъ молиться, и Богъ открывалъ имъ истину, напр. святой великомученицѣ Екатеринѣ. Въ смутныя времена ересей, Богъ воздвигалъ людей съ отличной святостію, облекалъ ихъ силою чудодѣйственною и ставилъ въ виду всѣхъ, какъ свѣчи на свѣщницѣ, да свѣтятъ всѣмъ; какъ они были сосуды вѣры и силы Божіей, то и служили для всѣхъ сомнѣвающихся рѣшительными указателями истины. Всѣ ожидали или желали знать, какъ исповѣдуетъ тотъ и тотъ святой мужъ, и держались его исповѣданія.... Одинъ говорилъ о себѣ: когда я смотрю на нетлѣнные останки, источающіе цѣлебную Божественную силу, и помышляю, что духъ, освятившій сіе тѣло, исповѣдалъ именно ту вѣру, которую я содержу, то у меня исчеза-

етъ всякое сомнѣніе, которое иногда навѣваетъ врагъ истины, и я не могу не радоваться тому, что Богу угодно было дать намъ такой рѣшительный и вмѣстѣ такой доступный способъ убѣжденія въ истинѣ святой вѣры.... Такъ вотъ гдѣ успокоительная проповѣдь объ истинѣ вѣры!... Но блаженнѣе изъ всѣхъ тотъ, кто, вмѣстѣ съ Іеронимомъ Греческимъ, можетъ сказать: „истинна вѣра, исповѣдуемая мною, ибо ею я сподобился пріять Божественную нѣкоторую силу, дѣйствующую во мнѣ *ощутительно*. И язычники имѣютъ писанія и храмы, и жертвы, и учителей, и книги, и отчасти Боговѣдѣніе, и нѣкоторыя добрыя дѣла, и праздники, и премѣненіе одеждъ, и молитвы, и всенощныя бдѣнія, и священниковъ, и много другаго; но сей сокровенной въ сердцѣ христіанина благодати и дѣйствія Св. Духа никто въ цѣломъ свѣтѣ не получаетъ, а получаютъ вѣрою только одни правильно крестившіеся въ Отца, Сына и Св. Духа“. Такъ вотъ прямѣйшій путь къ открытію истинной вѣры! именно: вѣра же, молитва, непрерывность чудодѣйственности въ церкви, и *особенно, внутренняя сила, доставляемая въ вѣрѣ*“.

Вотъ этотъ то послѣдній путь познанія Истины Божіей, отмѣченный преосвященнымъ Ѳеофаномъ, путь *внутренняго опыта* и забытъ нами, настолько забытъ, что при указаніи на него многіе, почитающіеся христіанами, приходятъ въ недоумѣніе и такъ высказываются относительно этого пути, что, въ свою очередь, приводятъ въ недоумѣніе говорящаго. „Да и въ самомъ дѣлѣ, не мнѣніе ли это одного или немногихъ лицъ,— всѣ эти ссылки на какія то неясныя, таинственныя переживанія души, на эти ощущенія, столь субъективныя, что ихъ и понять не можетъ громадное большинство немудрствующихъ лукаво христіанъ? Не придатокъ ли это къ христіанству, насколько личный, настолько и не общеобязательный? Не есть ли это лишь для полноты изложенія вставленное, неимѣющее особенной цѣны, маленькое звено аргументаціи? Пусть умножится нѣсколько блаженство человѣка, который ощутитъ въ себѣ то, о чемъ свидѣтельствуетъ бл. Іеронимъ.... Но развѣ это ужъ такъ важно для христіанина? Не довольно ли праваго исповѣданія и тѣхъ добрыхъ дѣлъ, на которыя человѣкъ наталкивается на каждомъ шагу жизни? Даже философствующая и богословствующая мысль

должна, кажется, быть удовлетворенной этимъ дружнымъ сочетаніемъ метафизики и морали, догмы и нравственности..... Да! но нѣтъ ли въ этомъ спасительномъ ковчегѣ отверстія, небезопаснаго для плывущихъ въ царствіе Божіе?

Заглянемъ въ писанія людей, отмѣченныхъ печатью святости.

„Одно дѣло", говоритъ Климентъ Александрійскій", что пріобрѣтено упражненіемъ и ученіемъ, и иное, что воспринято *черезъ откровеніе вѣрою. Только послѣдній путь ведетъ къ познанію божественной Истины*, и она очень близка отъ насъ, даже въ нашихъ жилищахъ, какъ свидѣтельствуетъ боговидецъ Моисей".

„Научаетъ насъ", утверждаетъ бл. Августинъ, „*внутренній* Учитель, научаетъ Христосъ, божественное вдохновеніе: гдѣ нѣтъ этого вдохновенія и внутренняго просвѣщенія, тамъ тщетно дѣйствіе словъ извнѣ".

„И если Духа Божія нѣтъ *въ сердцѣ* слушателя", подтверждаетъ также Григорій Богословъ, „то напрасны разсужденія учителя, ибо, если Тотъ, Кто научаетъ, не находится *внутри*, то языкъ учителя, который внѣ, трудится *понапрасну*".

„Потому что", заключаетъ бл. Іеронимъ,

„законъ духовенъ, и нужно *откровеніе*, чтобы понимать его".

„Кто слышитъ только внѣшній и плотскій голосъ", поучаетъ св. Левъ Великій, „тотъ слышитъ тварь; Богъ же есть Духъ, и Его можно слышать *только чрезъ Духа*, такъ и Іисуса никто не можетъ назвать Господомъ, какъ только Духомъ Святымъ".

„Лучшее и вѣрнѣйшее познаніе Бога не то, которое выработано усиліями разсудка и выпотѣніемъ мозга, но то, которое *возгорается отъ небеснаго огня въ сердцахъ нашихъ* и вноситъ въ душу божественный свѣтъ, свѣтъ", какъ говоритъ Оригенъ, „болѣе ясный и убѣдительный, чѣмъ всѣ разсудочныя доказательства. Въ этомъ то и состоитъ познаніе Истины, какъ она пребываетъ во Христѣ Іисусѣ,—въ томъ сладостномъ, кроткомъ, смиренномъ и любящемъ духѣ Іисуса, который, какъ утреннее солнце, сіяетъ на злыя и благія".

„Искать же боговѣдѣнія лишь въ книгахъ и писаніяхъ значитъ", по словамъ бл. Августина „искать живого между мертвыми. Intra te quaere Deum! Онъ лучше всего распознается, такъ сказать, духовнымъ *осязаніемъ*. Мы должны стремиться *видѣть* Его своими глазами. *слышать* своими ушами, и

наши руки должны *осязать* Слово жизни. Вѣдь душа наша, какъ и тѣло, имѣетъ свое чувство: *вкусите* и видите, какъ благъ Господь"!

Достаточно и сихъ свидѣтельствъ, утверждающихъ то положеніе, что божественное, *внутреннее откровеніе Духа есть основной источникъ Богопознанія.*

Приведу теперь свидѣтельства, нетолько утверждающія и раскрывающія только что высказанное мною положеніе, но съ особенной силой настаивающія на *необходимости* и *безусловной обще-обязательности* того пути Богопознанія, который, повторяю, оставленъ и забытъ нами на великое горе намъ, на великое,—ибо въ забвеніи пути сего кроется причина главнѣйшихъ недуговъ нашихъ и нашей неспособности исцѣлить ихъ.

Начну со св. Исаака Сирина, этого величайшаго, по мнѣнію Кирѣевскаго, философа-христіанина.

„Пока душа не прійдетъ въ *упокоеніе* вѣрою въ Бога, пріятіемъ въ себя силы ея *ощущенія*, дотолѣ не уврачуетъ немощи чувствъ, не возможетъ съ силою попрать видимаго вещества, которое служитъ преградою внутреннему".

„Хочешь ли умомъ своимъ быть въ *общеніи* съ Богомъ, пріявъ въ себя *ощущеніе* онаго услажденія, не порабощеннаго чувствамъ? Послужи милостынѣ".

„Кто цѣломудренъ, смиренномудръ, гнушается вольностью въ словахъ, и изгналъ изъ сердца раздражительность, тотъ (увѣренъ я въ этомъ), какъ скоро станетъ на молитву, видитъ *въ душѣ своей свѣтъ Св. Духа*".

Различая три степени вѣдѣнія св. Исаакъ пишетъ:

„Первая степень вѣдѣнія охлаждаетъ душу для дѣлъ шествія по Богу.

Вторая согрѣваетъ душу для скораго теченія къ тому, что на степени вѣры.

Третья же есть упокоеніе отъ дѣланія (что есть образъ будущаго) въ единомъ упражненіи ума, наслаждающагося *тайнами будущаго*.... Всѣ святые, сподобившіеся обрѣсти житіе сіе (а это есть восторженіе къ Богу) *по силѣ вѣры*, пребываютъ въ услажденіи онымъ превышеестественнымъ житіемъ. Вѣру же разумѣемъ не ту, какую человѣкъ имѣетъ въ разсужденіи разностія достопокланяемыхъ Божественныхъ Упостасей, все превосходящаго и особеннаго

естества въ самомъ Божествѣ, чуднаго домостроительства въ воплощеніи воспріятіемъ нашего естества (хотя и сія вѣра крайне высока), но *вѣру, возсіявающую въ душѣ отъ свѣта благодати, свидѣтельствомъ ума подкрѣпляющую сердце*, чтобы не колебалось оно *въ несомнѣнности надежды, далекой отъ всякаго самомнѣнія*. И вѣра сія обнаруживается *не въ приращеніи слуха ушей, но въ духовныхъ очахъ*, которыя видятъ сокрытыя въ душѣ *тайны*, невидимое и божественное богатство, сокровенное для очей сыновъ плоти, и открываемое Духомъ питающимся съ трапезы Христовой, въ поученіи законамъ Христовымъ, какъ сказалъ Господь: „если заповѣди Мои соблюдете, пошлю вамъ Утѣшителя, Духа Истины, Его же міръ не можетъ пріяти и Той вы научитъ всякой истинѣ (Іоан. XIV, 17, 26)". Онъ указуетъ человѣку сію святую силу, обитающую въ немъ во всякое время,... которая познается святыми (паче) въ *опытномъ пріобщеніи къ ней*".

„*Утвержденіе вѣры въ Бога не то, что здравое исповѣданіе*, хотя оно и матерь вѣры, напротивъ того, душа видитъ истину Божію *по силѣ житія*".

„*Несомнѣнность вѣры* въ людяхъ высокихъ

душою *открывается по мѣрѣ того, какъ нравы ихъ внимательны къ житію по заповѣдямъ Господнимъ*".

„Что такое вѣдѣніе?" вопрошаетъ св. Исаакъ. И даетъ отвѣтъ: „*Ощущеніе безсмертной* жизни." „Что такое безсмертная жизнь"? „Ощущеніе въ Богѣ".

„*Исполни*, Господи, *сердце мое жизни вѣчной!*" восклицаетъ святой.

„Истина есть *ощущеніе* по Богу, какое только вкушаетъ въ себѣ человѣкъ *ощущеніемъ* чувствъ духовнаго ума".

„Проси у Бога, чтобы далъ тебѣ прійти въ мѣру вѣры. И *если ощутишь* въ душѣ своей наслажденіе сіе, то не трудно сказать мнѣ *при семъ*, что нечему уже отвратить тебя отъ Христа..,.. О семъ молись не лѣностно, сего испрашивай съ горячностью, объ этомъ умоляй съ великимъ раченіемъ, *пока не получишь*".

„Когда Богъ усмотритъ въ тебѣ сію волю, что со всею чистотою мыслей довѣрился ты самому Богу болѣе, нежели себѣ самому....тогда вселится въ тебя оная невѣдомая сила, и *ощутительно почувствуешь*, что съ тобою несомнѣнно сила, та сила, которую ощутивъ въ себѣ, многіе идутъ въ огонь,

и не боятся, и ходя по водамъ, не колеблются въ помыслѣ своемъ опасеніемъ потонуть, потому что вѣра укрѣпляетъ душевныя чувства, и человѣкъ *ощущаетъ* въ себѣ, что какъ будто нѣчто невидимое убѣждаетъ его не внимать видѣнію вещей страшныхъ и не взирать на видѣніе, невыносимое для чувствъ.

Конечно, думается тебѣ, что душевнымъ (умовымъ, разсудочнымъ) вѣдѣніемъ иной пріемлетъ оное духовное вѣдѣніе? Не только невозможно душевнымъ вѣдѣніемъ пріять оное духовное, но даже нѣтъ возможности *ощутить* его и чувствомъ, или сподобиться его *кому либо изъ ревностно упражняющихся въ вѣдѣніи душевномъ*. И если нѣкоторые изъ нихъ желаютъ приблизиться *къ оному духовному вѣдѣнію*, то, пока не отрекутся отъ сего душевнаго и отъ всякихъ изворотовъ его тонкости, и многосложныхъ его способовъ, и не поставятъ себя *въ младенческій* образъ мыслей, *дотоль не возмогутъ приблизиться, хотя мало*, къ вѣдѣнію духовному. *Напротивъ того, великимъ препятствіемъ бываютъ для нихъ навыкъ и понятія душевнаго вѣдѣнія*, пока не изгладятъ сего мало по малу. Оное духовное вѣдѣніе *просто*, и не просіяваетъ въ помыслахъ душевныхъ.

Пока разумъ не освободится отъ помысловъ *многихъ* (неразрывныхъ съ душевнымъ вѣдѣніемъ) и не прійдетъ въ *единую простоту чистоты*, дотолѣ не возможетъ *ощутить духовнаго вѣдѣнія*.

Вотъ порядокъ сего вѣдѣнія—*ощутить наслажденіе оною жизнью онаго вѣка*.... Но онаго духовнаго вѣдѣнія никто не можетъ пріять, если не обратится, и не будетъ, какъ дитя. Ибо съ сего только времени *ощущается* оное услажденіе небеснымъ царствіемъ. О царствіи небесномъ говорятъ, что оно есть духовное созерцаніе. И обрѣтается оно *не дѣлами помысловъ* (т. е. не усиліями разсудка), но можетъ быть *вкушаемо по благодати*. И пока не очиститъ себя человѣкъ, не имѣетъ онъ достаточныхъ силъ и *слышать о немъ*, потому что *никто не можетъ пріобрѣсть онаго изученіемъ*. Если ты, чадо, достигнешь чистоты сердца, производимой вѣрою въ безмолвіи отъ людей, и позабудешь знаніе міра сего, такъ что не будешь и ощущать его: то внезапно обрѣтается предъ тобою духовное вѣдѣніе, *безъ розысканія о немъ*..... Если же удерживаешься *вервію душевнаго знанія*, то не неумѣстно мнѣ сказать, что удобнѣе тебѣ освободиться отъ желѣзныхъ узъ, нежели отъ этого вервія; и *всегда бу-*

дешь не далекъ отъ сѣтей прелести, и *никогда не уразумѣешь, какъ возымѣть дерзновеніе передъ Господомъ и упованіе на Него*, на всякій же часъ будешь ходить по острію меча, и никоимъ образомъ не возможешь быть безъ печали".

„Душа, пока болѣзнуетъ страстями, *не ощущаетъ чувствомъ своимъ духовнаго* и не умѣетъ вожделѣвать онаго, вожделѣваетъ же только *по слуху ушей и по писаніямъ*".

....„Обученіе и вѣдѣніе *при страстяхъ* не приносятъ пользы, и недостаточны къ тому, чтобы отверзать дверь, заключенную предъ лицомъ чистоты. Если же отъяты отъ души будутъ страсти, то умъ *просвѣщается* и поставляется на первомъ мѣстѣ естества, *и не имѣетъ нужды въ вопросахъ, потому что ясно видитъ блага обрѣтаемыя на своемъ мѣстѣ*. Ибо какъ внѣшнія наши чувства не вслѣдствіе обученія и вопросовъ ощущаютъ соприкосновенныя имъ естества и вещи, но каждое чувство *естественно*, а не съ помощью вопросовъ, *ощущаетъ* встрѣчающуюся ему вещь (потому что *нѣтъ ученія посредствующаго между ощущающимъ и ощущаемымъ;* слѣпому сколько ни говори о славѣ солнца и луны, о сонмѣ звѣздъ, о блескѣ драгоцѣнныхъ вещей,—и пріемлетъ, и су-

дитъ, и представляетъ себѣ красоту, какую имѣютъ они, *только по названію; знаніе же и разсужденіе его далеки отъ удовольствія, доставляемаго самымъ видѣніемъ*); такъ, подобнымъ сему образомъ, представляй себѣ и о созерцаніи духовномъ. Ибо умъ, прозирающій въ сокровенныя тайны духа, если онъ въ своемъ естественномъ здравіи, вполнѣ *созерцаетъ славу Христову, и не спрашиваетъ, и не учится, но наслаждается тайнами новаго міра.*

„Желать посредствомъ *изслѣдованія* и *разспросовъ* дознавать тайны есть *неразуміе* души".

„Начало, средину и конецъ духовнаго житія составляетъ слѣдующее: *отъятіе всего единеніемъ о Христѣ*".

....„*За сохраненіе заповѣдей* умъ сподобляется *благодати таинственнаго созерцанія и откровеній духовнаго видѣнія*".

„Я же, крестившійся Духомъ Святымъ и исполненный благодати (св. Исаакъ говоритъ объ Ап. Павлѣ), хочу внутрь себя пріять *ощущеніе живущаго во мнѣ Христа*".

„При томленіи гортани рождается въ душѣ плодъ—*видѣніе тайнъ Божіихъ*".

„При чистотѣ ума человѣкъ приходитъ въ *видѣніе тайнъ Божіихъ*".

„Подвижничество есть матерь святыни, отъ него происходитъ первое *извѣданіе ощущенія таинъ Христовыхъ*, что называется *первою степенью* духовнаго познанія".

„Живущій въ любви.... въ этомъ еще мірѣ *въ ощущаемомъ здѣсь* обоняетъ *оный воздухъ воскресенія*".

.... „Когда вѣра будетъ сопровождать дѣла, и постепенно придетъ въ дѣланіе, тогда рождаетъ *духовное вѣдѣніе*, о которомъ сказали мы, что рождается оно отъ вѣры.

Естественное вѣдѣніе, т. е. различеніе добра и зла, вложенное въ природу нашу Богомъ, само убѣждаетъ насъ въ томъ, что должно вѣровать Богу, приведшему все въ бытіе. А *вѣра* производитъ въ насъ *страхъ*; страхъ же понуждаетъ насъ къ *покаянію* и *дѣланію*. Такъ дается человѣку *духовное вѣдѣніе*, т. е. *ощущеніе таинъ*, которое рождаетъ вѣру истиннаго созерцанія. А такимъ образомъ не просто отъ одной голой вѣры рождается духовное вѣдѣніе, но вѣра рождаетъ страхъ Божій, и при Божіемъ страхѣ, когда въ немъ начнемъ дѣйствовать, отъ дѣйствія сего страха рождается духовное вѣдѣніе, какъ сказалъ святый Іоаннъ Златоустъ: „Когда пріобрѣтетъ кто волю, соотвѣтствующую страху Божію и правиль-

ному образу мыслей, тогда скоро пріемлетъ онъ *откровеніе сокровеннаго*". Откровеніемъ же сокровеннаго называетъ онъ духовное вѣдѣніе".....

....„Духовное вѣдѣніе есть *ощущеніе сокровеннаго*. И когда ощутитъ кто сіе невидимое и во многомъ превосходнѣйшее, тогда пріемлетъ оно отъ сего именованіе духовнаго вѣдѣнія, и въ *ощущеніи* его рождается *иная вѣра, непротивная вѣрѣ первой, но утверждающая ту вѣру*. Называютъ же ее вѣрою созерцательною. Дотолѣ былъ *слухъ*, а теперь созерцаніе; созерцаніе же несомнѣннѣе слуха".

Отъ богоноснаго сирскаго философа перейдемъ къ преподобному Симеону, Новому Богослову.

„Поистинѣ одна только есть печать Христова", пишетъ преподобный, "—*осіяніе Духа Святаго*, хотя много есть видовъ воздѣйствій Его и много знаменій силы Его".

„Только тотъ умъ, который соединяется съ Богомъ посредствомъ вѣры и познаетъ Его чрезъ дѣланіе заповѣдей, только такой наивѣрнѣйше сподобляется *видѣть Его и созерцательно*; ибо чрезъ посредство вѣры, какую имѣетъ онъ во Христа, *вселяется*

Христосъ внутрь его и дѣлаетъ его *обоженнымъ*".

„Если *здѣсь* сподобимся мы познать Его *чувствомъ* души своей, то не умремъ, смерть не возобладаетъ нами. Не будемъ дожидаться узрѣть Его въ будущей жизни, но *здѣсь, въ этомъ мірѣ, поподвизаемся узрѣть Его*".

„Истинный христіанинъ есть тотъ, который искренно исповѣдалъ предъ Богомъ и Ангелами во время крещенія своего, что отрекся діавола и всѣхъ сатанинскихъ дѣлъ его и далъ обѣтъ служить Христу Господу, исполняя всѣ святыя заповѣди Его, и такимъ образомъ сподобился таинственно пріять благодать Божію сокровенную, и *ощутить* ее въ духѣ, т. е. сознать духомъ, что пріялъ ее".

„ Потщимся сохранить божественныя заповѣди и очистить сердца свои слезами и покаяніемъ, да *узримъ самого Христа*, сей свѣтъ божественный, и да стяжемъ Его *еще здѣсь, въ настоящей жизни, въ Обитателя въ насъ*, да животворитъ Онъ души наши благодатію Всесвятаго Духа, и да питаетъ ихъ сладостію чаемыхъ благъ Царствія Своего".

„Тщетно именуется христіаниномъ тотъ, кто не имѣетъ въ себѣ благодати Христо-

вой *ощутительно*, т. е. такъ, чтобы *опытно* зналъ, что имѣетъ въ себѣ таковую благодать".

„Надлежитъ человѣку *здѣсь на землѣ* родиться свыше отъ божественной благодати, и тогда возможетъ онъ увидѣть Царствіе Божіе. *Кто не видитъ въ себѣ царствія небеснаго*, т. е. не видитъ, что въ немъ царствуетъ Богъ, тотъ не родился еще свыше отъ божественной благодати, и надлежитъ ему всячески взыскать того, чтобъ родиться свыше, *да узритъ Царствіе Божіе еще здѣсь на землѣ*".

„Кто какъ должно вѣруетъ во Христа, тотъ имѣетъ жизнь вѣчную въ себѣ, которая есть благодать Господа нашего Іисуса Христа. *Кто же вѣруетъ во Христа, а жизни вѣчной въ себѣ не имѣетъ, того тщетна и безполезна вѣра*".

„Таковъ законъ новой жизни о Христѣ Іисусѣ, что Христосъ Господь благодатію Св. Духа приходитъ къ намъ и воскрешаетъ умерщвленныя души наши, и даетъ имъ жизнь, и даруетъ очи *видѣть Его Самого безсмертнаго и нетлѣннаго живущимъ въ насъ*".

„Итакъ, которые христіане не видятъ *умно* Господа, не освѣщаются *явственно и знательно* Его Божескимъ свѣтомъ, не видятъ

Его пребывающимъ въ себѣ, пусть не говорятъ, *какъ невѣрные*, что невозможно Его видѣть; но каждый изъ насъ, возлюбленные мои, *пусть испытаетъ совѣсть свою*, и конечно найдетъ, что *самъ виноватъ*, что не имѣетъ въ себѣ Бога и не видитъ славы Его.

„Великое благо есть вѣровать во Христа, потому что безъ вѣры во Христа никому не возможно спастись; но надобно и научиться слову истины и познать его. Благо есть научиться слову истины, и знать его необходимо; но надобно и крещеніе пріять во имя Святыя и Живоначальныя Троицы, *для оживленія души*. Благо есть крещеніе пріять и чрезъ него новую жизнь духовную, но надобно, чтобъ и *чувствомъ ощущена* была *сія таинственная жизнь*, или умное въ духѣ просвѣщеніе“.

„Воскресенію Христову вѣрятъ премногіе — многіе; но мало такихъ, которые бы *чисто зрѣли Его*. Тѣ же, которые не зрятъ такъ воскресенія Христова, не могутъ поклонятьсяся Іисусу Христу, яко Господу. Почему священная пѣснь, которую часто имѣемъ мы въ устахъ своихъ гласитъ: Воскресеніе Христово не вѣровавше, а что? Воскресеніе Христово *видѣвше*, поклонимся Святому Господу Іисусу, единому безгрѣшному. Какъ-же это

Святый Духъ подвигаетъ насъ пѣть: Воскресеніе Христово *видѣвше*, т. е., что мы видѣли воскресеніе Христово,—когда мы не видали его, такъ какъ Христосъ воскресъ больше тысячи лѣтъ прежде, да и тогда никто не видалъ, какъ Онъ воскресъ? Ужъ не хочетъ ли пѣснь церковная научить насъ говорить ложь? Да не будетъ! Перестань злословить!—Напротивъ, она завѣщала намъ возглашать сими словами совершенную истину, напоминая о томъ воскресеніи Христовомъ, которое бываетъ въ каждомъ изъ насъ вѣрныхъ, и бываетъ не просто, но свѣтоносно, *блистая сіяніями Божества Его и нетлѣнія*. Свѣтоносное присутствіе Духа показываетъ на *совершившееся въ насъ воскресеніе Господне*, и еще паче—даетъ намъ благодать *видѣть самого воскресшаго Христа Господа*. Почему и поемъ: Богъ Господь и явися намъ; и желая показать второе Его пришествіе, прибавляемъ вслѣдъ затѣмъ: благословенъ грядый во имя Господне. Итакъ въ тѣхъ, въ которыхъ *явился Христосъ воскресшій*, всеконечно Онъ и *видѣнъ бываетъ духовно*, и *видится духовными очами*. Ибо, когда *приходитъ въ насъ Христосъ* благодатію Святаго Духа, то воскрешаетъ насъ изъ мертвыхъ, какими бываемъ дотолѣ, и живо-

творитъ, и дѣлаетъ, что мы *видимъ въ себѣ живымъ* Его самого, безсмертнаго и нетлѣннаго".

Говоря о маловѣрахъ или полувѣрахъ, которые „не показываютъ вѣры своей дѣлами", св. Симеонъ называетъ ихъ вѣру безпомощною и безполезною, какъ вѣру, по слову Апостола, *мертвую*. „Вѣра бо безъ дѣлъ мертва есть" (Іак. II, 20). „Почему же мертва такая вѣра?" вопрошаетъ преподобный. „Потому", отвѣчаетъ онъ, что *не имѣетъ въ себѣ Бога животворящаго*, —что не стяжеваетъ *въ себя Христа рекшаго*: „любяй Мя, заповѣди Моя соблюдетъ, и Азъ и Отецъ пріидемъ и *обитель у него сотворимъ*" (Іоан. XIV, 23), чтобы *присутствіемъ своимъ вокресить* изъ мертвыхъ того, кто стяжеваетъ такую дѣятельную вѣру, *оживотворить* его и дать ему *видѣть самого Христа*, воскресшаго въ немъ и его воскресившаго".

„Господь такъ скажетъ: „О человѣки! Познали ль вы Меня? Видѣли ль свѣтъ Мой? *Пріяли ль вы Меня внутрь себя?* Познали ль дѣйствія Духа Моего самымъ *искусомъ* и *опытомъ*, или нѣтъ?

„Я говорю", пишетъ тотъ же святой, „о тѣхъ еретикахъ которые говорятъ, что въ нынѣшнія наши времена и среди насъ нѣтъ никого, кто бы могъ соблюсти заповѣди Евангелія и быть, какъ были святые отцы, *во-первыхъ*, вѣрнымъ и дѣятельнымъ: ибо вѣра въ дѣлахъ обнаруживается, какъ въ зеркалѣ является подобіе лица, а *потомъ* могъ бы быть *созерцательнымъ* или Богозрителемъ, т. е. *зрѣть Бога* чрезъ просвѣщеніе отъ Духа Святаго, или, пріявъ Духа, благодатію Его *зрѣть Сына со Отцемъ*. Такъ тѣ, которые почитаютъ это невозможнымъ, *еретики* и имѣютъ не одну какую либо частную ересь, но, можно сказать, *всѣ ереси*; поколику эта ересь нечестіемъ и богохуленіемъ своимъ превосходитъ и затмеваетъ всѣ другія, и *кто говоритъ такъ, извращаетъ всѣ Божественныя* Писанія".

„Отъ заповѣдей рождаются добродѣтели, а *отъ добродѣтелей явными дѣлаются таинства*, сокрытыя въ буквѣ Писанія. Тогда преуспѣваютъ въ добродѣтеляхъ, когда хранятъ заповѣди; и опять тогда хранятъ заповѣди, когда ревнуютъ о добродѣтеляхъ; а *посредствомъ добродѣтелей и заповѣдей открывается для насъ дверь вѣдѣнія*, или, лучше сказать, она открывается Іисусомъ

Христомъ, Который сказалъ: „имѣяй заповѣди Моя и соблюдаяй ихъ, той есть любяй Мя. И Азъ возлюблю его и явлюся ему Самъ“ (Іоан. XIV, 21). Такимъ образомъ, когда *вселится въ насъ Богъ* и откроетъ намъ Себя *явьдомо* (знательно, *осязательно*), тогда и мы *прозримъ* къ вѣдѣнію, т. е., уразумѣемъ *дѣйственно* тѣ *божественныя таинства, которыя сокрыты въ Божественныхъ Писаніяхъ. Другимъ же какимъ либо способомъ достигнуть сего невозможно.* И пусть никто себя не обманываетъ, думая, что открылъ *иначе какъ* этотъ сундучекъ вѣдѣнія и вкусилъ благъ, кои внутри его, т. е., достигъ *причастія* ихъ и *созерцанія* ихъ“.

„Удостовѣреніе въ дѣйственности спасенія одно, это духовное *чувство благодати* Всесвятаго Духа, даруемой отъ Бога ради вѣры духовной силѣ ума“.

„Все сіе“, заключаетъ преп. Симеонъ, „надлежитъ тебѣ, возлюбленный, *познать самымъ дѣломъ* и *испытать* всѣмъ *чувствомъ души* твоей, чтобъ *стяжать въ себя Бога*, Который возводилъ бы тебя вмѣстѣ съ Собою на небеса, *теперь въ сей жизни* безъ тѣла, а послѣ въ другой жизни воскресилъ бы тебѣ и тѣло сіе, содѣлавъ его вседуховнымъ, и потомъ уже царствовалъ надъ то-

бою нескончаемые вѣки, тебя носилъ и *Самъ тобою былъ носимъ*, сый надъ всѣми Богъ".

Изъ далекихъ отъ насъ келій богоноснаго философа, отшельника Сиріи, и преподобнаго богослова, наставника Греціи, перенесемся въ близкія къ намъ, почти современныя палаты государственнаго дѣятеля. Не услышимъ ли и въ нихъ голоса, родственнаго и философу, и богослову?!

„Возвращайтесь, о, возвращайтесь, любезный другъ, къ этимъ (тремъ) упражненіямъ, и смѣю васъ увѣрить отъ имени Того, чья радость состоитъ въ жизни и общеніи съ людьми, что Онъ не замедлитъ *явиться*. Онъ придетъ излить свѣтъ свой на вашъ разумъ, очищать чувство ваше, руководить вашими дѣйствіями. Вы *ощутите* въ себѣ силы, до сихъ поръ вамъ неизвѣстныя. Томленія ваши разсѣются, ибо Онъ придетъ *не въ видѣ мысли, отвлеченнаго понятія*, какъ испытывали вы доселѣ, но столь же *дѣйствительно*, столь же *физически* (*существенно*—еп. Ѳеофанъ) какъ сегодня восходящее солнце. Ибо когда разъ раскроется предъ нами зрѣлище духовнаго міра, невозможно не чувствовать солнца, имъ управ-

ляющаго. Но спрашиваю васъ: что дѣйствительнѣе—міръ духовный, или вещественный?

Не говорю, чтобы все было сдѣлано, какъ только достигнешь этого состоянія *ощутимаго общенія*. (Этимъ полагается только *начало* новой степени, или новаго періода христіанской жизни, еп. Ѳеофанъ). О нѣтъ, остается еще сдѣлать многое, чтобъ достигнуть *инаго общенія*, которое отрѣшено не только отъ всякаго образа, но и отъ всякой мысли, *общенія*, почти неизъяснимаго словомъ, хотя *весьма дѣйствительнаго*".

Такъ пишетъ своему другу-протестанту графъ М. М. Сперанскій.

„Примѣчайте", говоритъ онъ же въ своемъ письмѣ къ П. А. Словцову: „всякая добрая мысль, всякое доброе движеніе воли есть и *движеніе Христово*. „Безъ Мене не можете творити ничесоже" (Іоан. XV, 5). По мѣрѣ того какъ вы будете примѣчать въ себѣ сіи движенія и относить ихъ ко *Христу, въ васъ дѣйствующему*, Онъ будетъ въ васъ возрастать, и наконецъ, вы достигнете того счастливаго мгновенія, когда въ состояніи будете *ощутить Его* съ такою живостью, съ такимъ внутреннимъ

убѣжденіемъ въ *дѣйствительномъ Его присутствіи*, что съ непостижимою вамъ самимъ радостью скажете: „такъ, это точно Онъ, Господь мой и Богъ мой!“

„*Живое и дѣйствительное* обращеніе со Христомъ“, продолжаетъ спустя нѣсколько страницъ графъ, „откроетъ вамъ первую возможность разумѣть Св. Писаніе. Безъ сего обращенія всѣ усилія тщетны, все это *пустыя умствованія*, душевная, а не духовная ученость, и *одно суесловіе*. „Слова Мои духъ суть, животъ суть“. Но кто же откроетъ духъ Христовъ кромѣ Него Самого?— Св. Писаніе вообще не что иное есть, какъ изображеніе или представленіе въ разныхъ формахъ и видахъ одной и той же истины, а именно того, какъ Богъ *бесѣдовалъ* и *сообщался съ людьми*, сперва чрезъ пророковъ (Завѣтъ ветхій), потомъ ближе и яснѣе въ образѣ Сына Своего-Слова (Новый Завѣтъ). Сіе изображеніе начертано единственно для того, чтобы означить намъ, что мы *и въ себѣ то же самое испытать можемъ и должны*. Искать въ Св. Писаніи нашихъ безплодныхъ и пустыхъ истинъ и суесловнаго порядка нашей бѣдной, пятичувственной логики,— это значитъ *ребячиться*, забавлять себя *бездѣлками учености* или *литературы*. Еще

повторяю: тутъ ничего не должно искать, кромѣ образа и представленія *Божіихъ съ человѣкомъ сообщеній*. Но какъ понять, какъ повѣрить симъ сообщеніямъ, *когда не знаемъ и не чувствуемъ* ихъ *въ себѣ на самомъ опытѣ*? А *чувствуемъ въ себѣ*.—то какое пріумноженіе вѣры и любви видѣть, что тысячи другихъ людей на необъятномъ разстояніи временъ и языковъ то же самое чувствовали и видѣли, что *чувствуемъ и видимъ мы въ сію минуту*, и что всѣ сіи отдаленныя изображенія *со всею точностію, дѣйствительно на яву въ насъ совершаются!*"

Я ограничился лишь двумя выдержками изъ духовныхъ писаній М. М. Сперанскаго, но ихъ можно бы предложить гораздо больше.,..

На смѣну широкообразованному, великому государственному человѣку выступаетъ одинъ простой, лишь довольно грамотный странникъ.

„Вотъ теперь такъ и хожу, да безпрестанно творю Іисусову молитву, которая мнѣ драгоцѣннѣе и слаще всего на свѣтѣ.... Нѣтъ у меня ни о чемъ заботы, ничто меня не занимаетъ, ни на что бы суетливое

не глядѣлъ, и былъ бы все одинъ въ уединеніи; только по привычкѣ одного и хочется, что бы безпрестанно творить молитву, и когда ею занимаюсь, то мнѣ бываетъ очень весело. Богъ знаетъ, что такое со мной дѣлается.... Въ сіе время читалъ я мою Библію и чувствовалъ, что началъ понимать ее яснѣе, не такъ, какъ прежде, когда весьма многое казалось мнѣ непонятнымъ, и я часто встрѣчалъ недоумѣніе. Справедливо говорятъ св. отцы, что Добротолюбіе (а я читалъ его въ это время) есть ключъ къ *отверзенію таинъ* въ Св. Писаніи. При руководствѣ онымъ я сталъ отчасти понимать сокровенный смыслъ Слова Божія: мнѣ начало открываться, что такое *„внутренній потаенный сердца человѣкъ“*, что *„царствіе внутрь насъ“*, что *„неизреченное ходатайство совоздыхающаго Духа Святаго“*, что *„будите во Мнѣ“*, что *„даждь ми твое сердце“*, что значитъ *„облещися во Христа“*, что значитъ *„обрученіе Духа въ сердцахъ нашихъ“*, что *„взываніе сердечное: Авва! Отче!* и проч. Когда при семъ я начиналъ молиться сердцемъ, *все окружающее меня представлялось мнѣ въ восхитительномъ видѣ*: деревья, травы, птицы, земля, воздухъ, свѣтъ, все какъ будто говорило мнѣ, что существуетъ

для человѣка, свидѣтельствуетъ любовь Божію къ человѣку, и все молится, все воспѣваетъ славу Богу. И я понялъ изъ сего, что называется въ Добротолюбіи „*вѣдѣніемъ словесъ твари*“ и *увидѣлъ способъ*, по коему можно *разговаривать съ твореніями Божіими*“.

„Я также *опытно* узналъ, что значитъ рай, и какимъ образомъ разверзается Царствіе Божіе внутри сердецъ нашихъ“.

„Съ мѣсяцъ шелъ я потихоньку“, продолжаетъ свой разсказъ странникъ, „и глубоко чувствовалъ какъ назидательны и поощрительны бываютъ добрые живые примѣры; часто читывалъ Добротолюбіе и повѣрялъ все то, что я говорилъ слѣпому молитвеннику. Его поучительный примѣръ воспламенялъ во мнѣ ревность, признательность и любовь къ Господу; молитва сердца столько меня услаждала, что я не полагалъ, есть ли кто счастливѣе меня на землѣ, и *недоумѣвалъ, какое можетъ быть большее и лучшее наслажденіе въ царствіи небесномъ*. Не токмо чувствовалъ сіе внутрь души моей, но все и наружное представлялось мнѣ въ восхитительномъ видѣ, и все влекло къ любви и благодарѣнію Бога.... все было мнѣ какъ

родное, на всемъ я находилъ изображеніе имени Іисуса Христа"*).

Оставимъ странника совершать путь свой и прислушаемся къ тому, что говоритъ со-всѣмъ современный интеллигентный человѣкъ.

„Ты задумайся всею мыслью и всѣмъ сердцемъ прочувствуй: никто на всемъ свѣтѣ,—и менѣе всего ты самъ,—не можетъ поручиться, что завтра, завтра ты встанешь съ постели живымъ, безбѣдно переплывъ ночь". Такъ пишетъ студентъ университета своему бывшему пріятелю—толстовцу,—и продолжаетъ: „живѣе и чаще думай о твоей личной смерти: ежедневно хотя 15 минутъ на ночь. Куда же мы пойдемъ, вышедши изъ тѣла? Неужели мое тѣло—это „я"?

*) Странникъ, записки котораго подарилъ мнѣ за полгода до своей кончины Влад. С. Соловьевъ, невольно напоминаетъ мнѣ своими рѣчами одно изъ послѣднихъ словъ, которыя я слышалъ отъ покойнаго философа-христіанина. На мой вопросъ: „что самое важное и нужное для человѣка"? онъ отвѣтилъ: „быть *возможно чаще* съ Господомъ", „если можно, *всегда* быть съ Нимъ", прибавилъ онъ, помолчавъ нѣсколько секундъ.

„Нѣтъ", слышенъ гдѣ-то изъ подъ спуда тѣла голосъ. „Тѣло уснетъ, но „я". вышедши, буду жива". Вотъ то „я" и есть настоящее, подлинное. И если ты ежедневно настойчиво будешь допрашивать это придавленное тѣломъ „я" и будешь допрашивать, поставивъ его подъ угрозу завтра предстоящей смерти, то узнаешь отъ него нѣчто поразительное, что тебя сначала ужаснетъ, но потомъ обновитъ, какъ обновило меня: ты узнаешь, что ты, истинный ты, безсмертенъ, что смерть лишь дверь въ новую безконечную, блаженную или ужасную, жизнь, которую лишь одну и достойно человѣку имѣть ежеминутно въ виду и къ ней готовиться. Ты узнаешь *ощутительно*, что эта жизнь лишь странствованіе, и что не надо ничего любить въ этомъ мірѣ, ни къ чему привязываться, ибо все можетъ быть отнято завтра. „Не имамы здѣ пребывающаго града, но грядущаго взыскуемъ" (Евр. XIII, 14).

„Когда ты поймешь и *чувствомъ опознаешь*, что завтрашняго дня можетъ для тебя и не быть, тогда ты поймешь, что отъ Кого-то твоя жизнь зависитъ всецѣло, отъ Кого-то Сущаго (т. е. Живаго) внѣ этого міра, Всемогущаго,—и это именно Тотъ, къ Ко-

торому, вышедши изъ тѣла, мы пойдемъ. И это Тотъ, Котораго надо назвать ужъ по одному этому,—по подвластности Ему, „Богъ мой, Господинъ мой“ (Господи! Іоан. XX, 28). И ты поймешь съ ужасомъ, спасительнѣйшимъ ужасомъ (если онъ по навѣту дьявола не перейдетъ въ отчаяніе и самоубійство, отъ чего избави тебя, Боже!), какъ страшно выйти изъ тѣла (а это завтра можетъ быть, ибо неизвѣстны „день и часъ“), не приготовившись, не узнавъ про то, что тамъ. А тамъ міръ духовный, тамъ всѣ души умершихъ отцовъ нашихъ и братій „здѣ лежащихъ и повсюду православныхъ“. Тамъ Богъ Живой, а страшно впасть въ руки Бога Живаго, не примирившись съ Нимъ *уже здѣсь*, пока онъ даетъ время. А это время лишь для того и дано, а отнюдь не для удовольствій. Ты *ощутительно* узнаешь *отъ души своей* (а не отъ меня), если будешь ее допрашивать истязательно, что въ этомъ мірѣ живетъ врагъ нашъ дьяволъ, духъ безплотный (т. е. безъ тѣла), невидимый намъ и оттого страшный и сильный противъ насъ. И вотъ, мой другъ, этотъ врагъ старается убѣдить насъ, что его нѣтъ, чтобы ему противъ насъ дѣйствовать“.....

„И знай истину: мы не умремъ, смерть

лишь дверь, открывающаяся въ ту жизнь, жизнь же здѣсь во плоти, въ тѣлѣ мимолетная, и плоть занавѣска, загораживающая то, что тамъ есть. А что тамъ есть, про это сказано въ вѣрѣ святой, окропленной кровью безчисленныхъ мучениковъ. И что тамъ есть, узнаешь *ощутительно* въ душѣ своей, если допросишь ее истязательно, какъ сказано".

„А если бы ты позналъ", заканчиваетъ письмо свое авторъ, „сладость одного имени Іисусова, сладость того мига, когда Онъ въ страшномъ таинствѣ причащенія *вселяется* въ наше сердце, и мы *ощутительно опознаемъ, что Христосъ истинно воскресъ*, не умеръ, а *живъ*.... И таинство это послѣ муки очистительной, благодѣтельной, цѣлительной муки покаянія и исповѣданія грѣховъ (при свидѣтелѣ—іереѣ, но первоначально въ сердцѣ), таинство причащенія воистину страшно, ибо подъ видомъ хлѣба и вина пріемлемъ въ свою убогую утлую храмину тѣла, храмину едва-едва подметенную, Самого Великаго Бога, нашего Создателя и Промыслителя (Не чудо ли! Не страшное ли чудо)!

„Но обо всемъ этомъ говорю съ великой робостью, боясь за тебя, какъ бы ты не

согрѣшилъ изъ-за того, что раньше времени я говорю о томъ, что есть для меня святое святыхъ, а для тебя—неясно, недостовѣрно, сомнительно, странно....

„Но „исповѣдайтеся Господеви, яко благъ, яко въ вѣкъ милость Его". „*Вкусите и видите*, яко благъ Господь". Пока *опытомъ* не узнаешь, если Господь благословитъ (а буди! буди!), до тѣхъ поръ твое сердце не будетъ биться однозвучно съ моимъ. „*Всякая душа Св. Духомъ живится, и чистотою возвышается, свѣтлѣется Троическимъ Единствомъ священнотайнѣ*".

„Мои до-христіанскія воззрѣнія слишкомъ тебѣ извѣстны", пишетъ чрезвычайно образованный человѣкъ, бывшій революціонеръ, пришедшій чрезъ толстовство къ Церкви,— „напомню лишь о нашей теоріи самоспасенія: „человѣкъ по существу добръ, добръ собственно его умопостигаемый характеръ, а если его эмпирическій характеръ, обусловливающій всѣ дурные поступки и золъ, то измѣнить этотъ послѣдній и уничтожить въ себѣ эгоистическіе навыки, ставшіе второй природой, дѣло возможное: стоитъ только протереть „стекла фонаря", и свѣтъ, заключенный въ немъ, польется на все окружающее". Но не смотря на протираніе сте-

колъ своего „фонаря“. я радикальной перемѣны въ сердцѣ своемъ не чувствовалъ и смутно сознавалъ, что au fond оно по прежнему остается „каменнымъ“. Сознаніе своей „ветхости“ жестоко мучило меня, а выхода изъ этого „тупаго угла“ я не находилъ. Но вотъ разъ, когда я углублялся въ самого себя, *точно молнія прорѣзала* мое сознаніе, и я увидѣлъ, что золъ не эмпирическій, а мой умопостигаемый характеръ, что зла сама моя природа въ основаніи, зла моя духовная область, лежащая за предѣлами моего сознанія. *Само*-исправленіе, *стало быть*, дѣло невозможное, равно какъ и *само*спасеніе: изъ зла добра не выведешь. Совѣсть! Но она *явственно* говоритъ, обличаетъ и судитъ только *по* совершеніи дурнаго дѣла. Да къ тому же *совѣсть*, какъ отголосокъ Суда Божія, не такъ то легко отличить отъ *совѣсти*, какъ отголоска суда человѣческаго, сословнаго, личнаго (какъ нарушенія собственныхъ *принциповъ*). Мнѣ стало ясно, что мои злыя влеченія, мысли, дѣла свидѣтельствуютъ лишь о характерѣ источника, изъ котораго они проистекаютъ....

„Такъ вотъ почему“, шепталъ я, „она, эта „искра“, несмотря на всѣ усилія, не возгаралась въ душѣ моей! Такъ вотъ откуда

это самочувствіе Каина, приносящаго жертвы, но непріемлемыя Богомъ!“ И всѣ мои внѣшнія добродѣтели представились мнѣ не болѣе, какъ жалкими пустяками, какъ богопротивнымъ лицедѣйствомъ...Это *открытіе*, въ его цѣломъ, потрясло мою душу до основанія. Я чувствовалъ, что не только топчусь на одномъ мѣстѣ, но что я погибаю.... Что же это такое, и что такое *я*, наконецъ?

„И я самоопредѣлился такъ: „Ты“, отвѣчалъ мнѣ мой внутренній голосъ, „стоикъ, драпирующійся въ дырявую мантію своихъ самодѣльныхъ добродѣтелей; ты—полубуддистъ, полупантеистъ, насильственно приплетшій къ своему міросозерцанію заповѣди Христа; но главное, ты—кающійся интеллигентъ, но, въ безуміи своемъ, кающійся не передъ Богомъ спасающимъ, а передъ народомъ, этими голодными и холодными, которые такъ же не могутъ отпустить тебѣ твоихъ грѣховъ, какъ не властенъ ты самъ измѣнить свое злое настроеніе на доброе; словомъ, *ты христіанинъ безъ Христа!*“

„За симъ, какъ я увѣровалъ въ Воскресшаго, ты знаешь: напомню только, что *въ тотъ моментъ, когда я почувствовалъ прикосновеніе въ сердцѣ моемъ, я сразу узналъ*

(ибо болье реальнаго я ничего не испытывалъ въ жизни), что это Онъ, Господь мой воскресшій. Это было впервые, что я назвалъ Іисуса Христа *Господомъ* и, не переставая называть Его этимъ именемъ, я *чувствовалъ* въ томъ *неизъяснимую сладость.*

Хотя *разумъ* мой и долго *бунтовался* противъ сей истины, но, имѣя *въ центрѣ своего существа* несокрушимую *вѣру* въ Воскресшаго, мнѣ уже не трудно было и разумъ привести въ послушаніе вѣрѣ".

Изъ боязни оказаться излишне многословнымъ я ограничился краткой сравнительно съ громаднымъ письмомъ выпиской, хотя и все письмо представляется въ высшей степени интереснымъ и значительнымъ....Къ тому же на смѣну революціонеру поспѣшаетъ учительница, дочь шестидесятника, воспитанная въ традиціяхъ эпохи реформъ. И изъ ея чрезвычайно поучительнаго и многознаменательнаго письма беру лишь немногія строки.

„Христосъ воскресе, дорогой.... Я членъ церкви Христовой, мнѣ прощены мои грѣхи, и я причастилась Св. Таинъ. Я поражена и уничтожена всепрощеніемъ Божіимъ. Простилъ, все простилъ, потому что

нѣтъ больше муки въ моей душѣ; и солнце, и небо, весна и природа, все для меня, какъ и для другихъ; любовь родныхъ, близкихъ и дѣтей (моихъ ученицъ) все вернулось ко мнѣ, хотя могло казаться, никогда и не отнималось. За что такая милость Божія? И я еще смѣла не прощать грѣхи другимъ, когда сама хуже всѣхъ, а Богъ мнѣ все простилъ."

Упомянувъ о волненіи, вызванномъ исповѣдью, дѣвушка продолжаетъ:

„Причастіе Св. Таинъ успокоило меня... *Я почувствовала себя въ общеніи съ Богомъ моимъ Іисусомъ Христомъ*. Я теперь вѣрю, что Онъ взялъ на Себя грѣхи міра, что Онъ приходилъ на землю и былъ распятъ за насъ всѣхъ и за меня, и искупилъ всѣ прошедшіе и будущіе грѣхи людей".

„Чудны дѣла Твои, Господи!" радостно восклицаетъ крещенная въ дѣтствѣ, но только черезъ 25 лѣтъ узрѣвшая Свѣтъ Христовъ, наставница юношества. „Да будетъ благословенно имя Господне отнынѣ и до вѣка!"

Посмотримъ, согласно ли все это со Словомъ Божіимъ?

„*Живу не ктому азъ, но живетъ во мнѣ Христосъ*“ пишетъ къ Галатамъ Ап. Павелъ. Что же это значитъ? А вотъ что. „Я умеръ“, изъясняетъ это мѣсто еп. Ѳеофанъ, „но не съ тѣмъ, чтобы мертву быть, а чтобы жить иною жизнью, совершеннѣйшею. Я сораспялся Христу, и Христосъ, живый и въ распятіи, жизнью Своею меня исполнилъ: *сталъ жить во мнѣ*. Теперь уже не я живу, но *живетъ во мнѣ Христосъ*. Это *не нравственно только*, въ томъ смыслѣ, что я Ему всецѣло преданъ и все Ему посвящаю—и мысли, и чувства, и дѣла, и слова и внѣшнее мое все, какъ и внутреннее,—ничего для себя не загадываю, все для Него—такъ что меня будто нѣтъ, а есть только Онъ во мнѣ, и угождать Ему единственная моя забота; *но и самымъ дѣломъ, существенно, Онъ во мнѣ*“.

Такъ у великаго Апостола. Но бываетъ ли это съ заурядными христіанами, не призванными къ великому служенію учительскому?

„Да дастъ вамъ (Отецъ Господа Іисуса Христа) по богатству славы Своея утвердитися Духомъ Его во внутреннемъ человѣцѣ; *вселитися Христу вѣрою въ сердца ваша*“ (Еф. III, 16—17), вотъ пожеланіе Апостольское христіанамъ Ефеса.

Преосвященный Θеофанъ сопоставляетъ съ этимъ пожеланіемъ Апостола обѣтованіе Самого Господа и приводитъ слова Господни: „Имѣяй заповѣди Моя, и соблюдаяй ихъ, той есть любяй Мя, а любяй Мя возлюбленъ будетъ Отцемъ Моимъ: и Азъ возлюблю его и *являся ему Самъ* (Іоан. XIV, 21)..... Аще кто любитъ Мя, слово Мое соблюдетъ: и Отецъ Мой возлюбитъ его, и *къ нему пріидемъ* и *обитель у него сотворимъ* (—23)". „Когда вкоренится въ васъ любовь, тогда *проявится въ васъ полнота вселенія Христова,—Онъ исполнитъ васъ*, какъ огонь преисполняетъ желѣзо. И *всѣ узримъ живущаго въ васъ Христа*.—Этого желаю вамъ; объ этомъ, преклоняя колѣна, молюсь къ Отцу Небесному". Такъ излагаетъ мысль Св. Апостола Павла еп. Θеофанъ.

Онъ же въ своемъ толкованіи на I Кор. 1, 20, говоря о словѣ крестномъ, замѣчаетъ:

„Спасительности его отвергать нельзя, ибо *опыты сего у всѣхъ предъ глазами*: слышатъ слово крестное, вѣруютъ, принимаютъ крещеніе и являются *новой тварію*; *новыми себя ощущаютъ, новыми видятъ ихъ другіе*.....

Говоря далѣе о принявшихъ проповѣдь

о крестѣ, еп. Θеофанъ поясняетъ ихъ душевное состояніе:

„*Заподлинно* они *удостовѣрялись* въ сей *силѣ* и *премудрости*, когда въ крещеніи спогребались распятому Господу и *вкушали* спасительность креста".

И далѣе:

„Блага сіи уготованы любящимъ Бога, т. е., тѣмъ, кои, оставя все, къ Богу прилѣпляются сердцемъ, и въ *сердечное живое общеніе и единеніе съ Нимъ* входятъ *путемъ, отъ Него указаннымъ* и *предписаннымъ*". „Посему то внушается намъ: *взыщите Господа, взыщите лица Его выну* (Пс. XXVI, 8 и CIV, 4). Пророкъ Моисей поставляетъ *зрѣніе лица Божія* краемъ своихъ желаній и послѣ того уже, какъ Богъ явилъ чрезъ него и въ немъ столько чрезвычайныхъ дѣйствій Своей благости и всемогущества: аще обрѣтохъ благодать предъ Тобою, *яви ми Тебе Самого, да разумно вижду Тя.* (Исх. XXXIII, 13), молился онъ.—Съ какимъ страхомъ взывалъ ко Господу Пророкъ Давидъ: не отвержи мене *отъ лица* Твоего (Пс. 4, 13), зная что *удаляющіи себе отъ Него погибнутъ* (Пс. LXXVII, 27). Съ какимъ желаніемъ устремлялся онъ всегда къ Богу: *возжада душа моя къ Бо-*

гу (Пс. LXII, 2); имже образомъ желаетъ елень на источники водныя, сице желаетъ душа моя *къ Тебѣ, Боже* (Пс. XI, 2). Съ какою теплотою упокоивался въ Немъ единомъ: Мнѣ же *прильпляятися Богови* благо есть (Пс. LXXII, 28)".

„Но не въ этомъ одномъ устремленіи всѣхъ желаній къ Богу—наше благо", продолжаетъ преосвященный. „Жажда безъ утоленія, алчба безъ насыщенія, потребность безъ удовлетворенія есть скорбь, болѣзнь, мученіе. Ища Бога, мы хотимъ *обрѣсти Его*, хотимъ *обладать Имъ* и быть обладаемыми отъ Него, *пріискренно пріобщиться Его, быть въ Немъ и Его имѣть въ себѣ*. Въ этомъ-то *живомъ, внутреннемъ, непосредственномъ* общеніи Бога съ человѣкомъ и человѣка съ Богомъ и есть его *послѣдняя цѣль*. Такимъ сіе общеніе изображается въ словѣ Божіемъ. Такъ Самъ Богъ объ однихъ говоритъ: не имать духъ мой *пребывати въ человѣцѣхъ сихъ*, зане плоть суть (Быт. VI, 3), а другимъ обѣщаетъ: *вселюся въ нихъ и похожду* (2 Кор. VI, 16). „Внимай", говоритъ на сіе мѣсто Св. Златоустъ, „кто обитаетъ въ тебѣ! *Ты Бога носишь въ себѣ.*" Св. Іоаннъ Богословъ учитъ, что, когда кто пребываетъ въ любви, то не только онъ пребываетъ въ

Богѣ, но *и Богъ въ немъ пребываетъ* (I Іоан. IV, 16).—Это *живое общеніе съ Богомъ* возводится у Св. Отцовъ *до обоженія человѣка*. Такъ Св. Григорій Богословъ изображаетъ человѣка „живымъ существомъ, чрезъ стремленіе къ Богу достигающимъ *обоженія*“. У св. Макарія почти въ каждой бесѣдѣ можно находить напоминаніе о *живомъ общеніи* души съ Богомъ. Такъ въ 46 бесѣдѣ онъ учитъ, что Богъ сотворилъ душу человѣка такою, чтобы быть ей невѣстою и сообщницей Его, и чтобы Ему быть съ нею *единымъ растореніемъ* и *единымъ духомъ*. „Для человѣка нужно“, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, „чтобы не только самъ онъ былъ въ Богѣ, но *и Богъ былъ въ немъ*“.

„Но не подумалъ бы кто, что, когда Богообщеніе поставляется послѣднею цѣлью человѣка, то человѣкъ сподобится его послѣ, въ концѣ напр. всѣхъ трудовъ своихъ“. „Нѣтъ“, рѣшительно заявляетъ авторъ „Писемъ о христіанской жизни“: „оно *должно быть всегдашнимъ*, непрерывнымъ состояніемъ человѣка, такъ что, *коль скоро нѣтъ общенія съ Богомъ, коль скоро оно не ощущается*, человѣкъ долженъ сознаться, что стоитъ *внѣ своей цѣли и своего назначенія*,

Состояніе, въ которомъ человѣкъ сознаетъ, что Богъ истинный есть его Богъ, и самъ онъ есть *Божій*, т. е., говоритъ въ сердцѣ своемъ Богу: Господь мой и Богъ мой (Іоан. XX ,28), какъ апостолъ Ѳома, и къ себѣ: Божій есмь, Божій есмь (Ис. XLIV, 5)—такое состояніе есть *единое истинное* состояніе человѣка, есть *единый, рѣшительный* признакъ присутствія въ немъ начала истинно-нравственной и духовной жизни."

Чтобы не заслужить упрека въ подборѣ свидѣтелей *одного* какого либо типа и этимъ не ослабить силы свидѣтельствъ, я нарочно собралъ воззрѣнія на данный предметъ и Отцовъ-общественныхъ дѣятелей, и наставниковъ монашескихъ общежитій, и созерцателей-пустынниковъ, и современныхъ людей разнаго пола, возраста, образованія и общественнаго положенія. Утвержденія всѣхъ этихъ разнородныхъ лицъ (которымъ всѣ они придаютъ существенное значеніе), находясь въ полномъ согласіи одно съ другимъ, въ такомъ же согласіи находятся, какъ показано, и съ свидѣтельствомъ Слова Божія.

Всѣ эти люди свидѣтельствуютъ, говоря вообще, о *религіозномъ опытѣ*, какъ *необходимомъ, существенномъ* признакѣ истинно-

духовной жизни—*въ началѣ, срединѣ и концѣ ея.* Всѣ они сходятся въ этомъ другъ съ другомъ, различаясь лишь глубиною и широтою личнаго опыта, при чемъ одни изъ нихъ оставили намъ лишь отрывочныя свидѣтельства о своей жизни во Христѣ, другіе, наиболѣе одухотворенные, изложили свой внутренній опытъ восхожденія къ Богу въ цѣльной системѣ, преподали намъ не только методъ Богопознанія, но и теорію познанія вообще (Св. Исаакъ Сиринъ).*)

Наше школьное богословіе, на почвѣ котораго ведется и борьба съ противниками Церкви, чуждое религіознаго опыта, не только никого не одухотворяетъ и не возводитъ къ Богу, а убиваетъ и тѣ живые начатки религіозной жизни, которые воспринимаются въ благочестивой семьѣ и храмѣ. Отвращеніе или недовѣріе, которое вызываетъ къ себѣ богословіе во многихъ питомцахъ нашихъ духовныхъ (а иногда и свѣтскихъ) учебныхъ заведеній,—едва ли для кого тайна. Равнодушіе къ вѣрѣ или отрицаніе ея, вотъ достояніе наше.

*) Слѣдуетъ замѣтить, что *высшее* созерцательное Богопознаніе доступно только твердо вѣрующимъ и и подвизающимся, которые уже вступили въ область *чистоты, гдѣ единственно* зрится Богъ (Мѳ. V. 8) и познаются пути Его промышленія.

Посмотрите: кто руководитъ умомъ и пробужденной совѣстью сознательнаго русскаго человѣка? Литература, философія, наука, —только не богословіе, которое въ своемъ крайнемъ схематизмѣ рѣшительно не видитъ живой души человѣческой съ ея запросами, муками, сомнѣніями. Оно не беретъ человѣка съ его наличными духовными требованіями и не возводитъ его, осторожно и проникновенно пѣстуньствуя на высшую ступень самосознанія и самочувствія. Эту роль взяла на себя литература свѣтская, къ несчастію не всегда стоящая въ согласіи съ христіанскими идеалами.

Кто и въ чисто религіозной сферѣ мысли имѣетъ у насъ добрый успѣхъ? Владиміръ Соловьевъ, Хомяковъ, Самаринъ, Кирѣевскій. Несмѣловъ, т. е., люди, особенно чуждые пріемовъ школьнаго богословствованія.

Чѣмъ привлекаютъ къ себѣ и такіе духовные писатели (имѣющіе впрочемъ значеніе больше для тѣхъ, кто уже не далекъ отъ церкви, и еще болѣе для живущихъ въ ней), какъ еп. Ѳеофанъ, еп. Антоній Уфимскій, о. Іоаннъ Сергіевъ (имѣю въ виду его „Моя жизнь во Христѣ")? Да тѣмъ, что отреклись они отъ стереотипнаго, мерт-

ваго и мертвящаго, формально-діалектическаго метода мышленія и пошли по новому пути богословской мысли, пути, который, кажется, лучше всего назвать „психологическимъ“.

Обрушиваясь на раціонализмъ нашихъ протестантскихъ сектъ, мы сами въ сущности стоимъ на почвѣ того же раціонализма, что и наши противники. Мы съ ревностью, достойной лучшей участи, хранимъ догматическую скорлупу, настолько закаливъ или, вѣрнѣе, заморозивъ ее холодомъ научной разсудочности, что ищущимъ питательнаго зерна Христова доступъ къ нему оказывается рѣшительно прегражденнымъ. Вмѣсто запрятаннаго нами зерна мы предлагаемъ скорлупу, *необходимую* правда для роста и здоровья зерна, *характерную* для него, но *саму по себѣ* вовсе не утоляющую голода и не возбуждающую ни малѣйшаго духовнаго аппетита.*)

*) Я охотно принимаю предложенное мнѣ однимъ лицомъ сравненіе догмата со скелетомъ, а „сокровенной въ Богѣ жизни внутренняго человѣка“ съ живою плотью и кровью. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ послѣднее сравненіе имѣетъ преимущество передъ первымъ. Недурно уясняетъ дѣло сравненіе догмата съ нотами, а внутренней жизни съ мелодіей. Впрочемъ всѣ сравненія не вполнѣ опредѣляютъ суть и требуютъ добавочныхъ разъясненій.

Я невольно вопоминаю, какое чувство вызывали во мнѣ школьныя руководства, когда я, сознательно придя къ церкви и проживъ нѣкоторое время въ нѣдрахъ ея, рѣшилъ заглянуть въ учебники и академическія лекціи. Я чувствовалъ, что чтеніе это умаляетъ мое религіозно-нравственное достояніе. Это наблюденіе даже смутило меня, но по счастію одно авторитетное духовное лицо успокоило мою смятенную душу....

Какіе же положительные выводы можно и должно сдѣлать, стоя на почвѣ „опытнаго Богопознанія?“

Первое, чрезвычайно важное и существенно-необходимое слѣдствіе пользованія указаннымъ методомъ—*собственное душе-спасеніе каждаго изъ насъ*. Развѣ не громадной, единственной, можно сказать, важности дѣло—*опытно* познать то, что принималось раньше по „вѣрѣ слуха?“ Развѣ не великое благо *собственными очами узрѣть* ту страну, въ которую предлежитъ намъ переселиться по оставленіи храмины тѣла, если, конечно, Царь той страны приметъ насъ къ Себѣ? Развѣ не безмѣрное счастье *видѣть, слышать, осязать* Того, общеніе съ Кѣмъ должно служить источникомъ нескончаемаго блажен-

ства? Развѣ не великая радость достичь непостыжающей надежды, которая держится не на легкомысленномъ „авось“, а на глубокомъ *пріобщеніи* къ Самому Источнику спасенія?

Второе слѣдствіе то, что и *ближнихъ* нашихъ мы сможемъ призывать въ чудный свѣтъ *животворящей* и обновляющей, въ Богѣ сокровенной, но вѣрнымъ рабамъ Христовымъ *ощутительно* открывающейся, истины, а не къ сухимъ и малопонятнымъ (безъ указаннаго опыта) умозрѣніямъ, не къ голой морали или богослужебной эстетикѣ.

Стоя на указанномъ пути мы, естественно, съ большимъ разумѣніемъ, проникновеніемъ, смиреніемъ и кротостью будемъ относиться и къ *противникамъ* нашимъ.

Если легко произнести судъ надъ другимъ съ точки зрѣнія правовѣрія, то гораздо труднѣе сдѣлать это съ точки зрѣнія православія. Если при первомъ легко поддаваться мусульманскому фанатизму, то при второмъ не трудно съ сокрушеніемъ взирать на себя и съ кротостью относиться къ другому.

Конечно, легче на основаніи отвлеченныхъ формулъ опредѣлить степень виновности подсудимаго, чѣмъ вдунуть въ него *дыханіе*

жизни Христовой. Но значитъ ли это, что нужно и позволительно первое предпочитать второму?

Вѣдь въ сущности всѣми противниками Церкви владѣетъ тотъ или иной духъ. И противопоставлять ему можно духъ же, а не слово. Каждый изъ насъ знаетъ по собственному опыту, какъ бездѣйственно чужое слово, если оно дисгармонируетъ съ нашимъ настроеніемъ, не будучи само полно сильнѣйшаго настроенія. Оно, какъ пробка изъ воды, выталкивается этимъ настроеніемъ. Чтобы побѣдить несогласнаго, нужно заразить его извѣстнымъ самочувствіемъ. Если нѣтъ послѣдняго, тщетно слово.....

Я, напр., читалъ одному пашковцу изъ твореній Св. Симеона Новаго Богослова, и онъ приходилъ въ изумленіе и умиленіе отъ словесъ этого богоноснаго мужа...

Одинъ врачъ, бывшій революціонеръ, говорилъ мнѣ, что „когда онъ думалъ, что уже нѣтъ *нигдѣ новыхъ источниковъ жизни*, случайно прочитанная имъ фраза Исаака Сирина приковала къ себѣ его умъ своей глубиной, а *сердце своей силой*. Св. Исаакъ показалъ ему, по его словамъ, „реальность бытія инаго міра". Вотъ онъ—духъ истиннаго миссіонера-отшельника, изъ пустыни VI вѣка про-

бивающаго брешь въ сердцѣ современнаго интеллигента!

Та же черта *опытнаго* Богопознанія въ писаніяхъ святоотеческихъ поразила Кирѣевскаго, который такъ выразился въ одной изъ своихъ статей „Свв. Отцы говорятъ о *странѣ, въ которой были*“.

Ища *для себя* въ Церкви *прежде всего правильнаго устроенія души по Богу, истиннаго обновленія и возрожденія, дѣйствительнаго пріобщенія* Самому *Христу* Господу, мы встанемъ въ болѣе правильныя отношенія, разумнѣе, глубже, проникновеннѣе отнесемся и къ людямъ чуждымъ христіанства, и, тѣмъ болѣе, къ исповѣдающимъ Христа, пришедшаго во плоти, но не согласнымъ съ нами въ путяхъ слѣдованія Ему.

Вѣдь собственно каждое христіанское общество ставитъ главной своей задачей *наилучшее устроеніе души* человѣческой, т. е., наиболѣе согласное съ волей Божіей. Слѣдовательно, существенная сторона задачи есть нѣчто сокровенное, не поддающееся никакимъ *разсудочнымъ* опредѣленіямъ, ускользающее отъ нихъ, какъ ускользаетъ чувство изъ рамокъ холодной формулы.

Стоя на почвѣ психологической, т. е., на

почвѣ *православнаго**) *религіознаго опыта*, мы достигнемъ двоякой цѣли и оградимъ себя отъ двоякой неправды—по отношенію къ себѣ и относительно другихъ.

Себя мы *неизбѣжно* должны будемъ тщательно испытывать и истязательно вопрошать: „*въ вѣрѣ ли мы* (2 Кор. XII, 15)? *Точно ли прославляется* Господь въ душахъ и тѣлесахъ нашихъ (1 Кор. VI, 20)?“ Должны будемъ заботливо простираться впередъ, забывая задняя (Фил. III, 13), дабы не утратить *живаго* критерія истины, который хранить и изощрять можно только путемъ трезвенной жизни и непрестаннаго вниманія себѣ.

Къ своимъ собесѣдникамъ или противникамъ мы *необходимо* должны будемъ проявлять особенное вниманіе, терпѣніе, проникновеніе, чтобы опредѣлить степень ихъ *реальнаго* пріобщенія Истинѣ, т. е. жизни Христовой.

Конечно, повторяю, легче, а потому и соблазнительнѣе устраивать для несогласныхъ Прокрустово ложе и, прилагая къ нимъ мѣр-

---

*) Который имѣетъ точно опредѣленныя черты, отличающія его отъ внутреннихъ переживаній человѣка, стоящаго внѣ Церкви. (См. „Добротолюбіе“, соч. еп. Ѳеофана, еп. Игнатія Брянчанинова др.)

ку внѣшнихъ догматическихъ опредѣленій, однихъ растягивать, а другихъ укорачивать, легче, чѣмъ, вникая въ ихъ *дѣйствительное* религіозно-нравственное содержаніе, исправлять ложное и восполнять недостающее. Легче, но какой плодъ приноситъ собою этотъ легкій путь?!

Измѣна наша *истинному* пути Богопознанія имѣетъ своимъ слѣдствіемъ то, что, съ одной стороны, мы не способны бываемъ видѣть положительнаго и цѣннаго достоянія однихъ нашихъ противниковъ (напр. католиковъ и отчасти протестантовъ), съ другой—мы нерѣдко вступаемъ въ борьбу съ другими недругами нашими, стоя съ ними на различной почвѣ, и потому обрекаемся на взаимное непониманіе. Если въ первомъ случаѣ, когда мы напр. упускаемъ изъ вида въ католичествѣ положительные типы святости, мы совершаемъ вредную несправедливость, то во второмъ, какъ напр. въ отношеніи къ Толстому, невѣрующимъ людямъ науки и нѣкоторымъ сектантамъ, мы впадаемъ въ не менѣе вредную нелѣпость, подобную измѣренію кубическаго тѣла плоскостью.

Напримѣръ, ведется съ Толстымъ споръ на почвѣ догмата, *внѣ всякой связи* этого

послѣдняго *съ нравственностью*, когда для Толстого суть христіанства *въ морали*.

Или: невѣрующему *эмпирику* предлагается догматическая система, *отрѣшенная отъ всякой мысли объ опытѣ*.

Или: хлысту, *всѣмъ существомъ* своимъ утверждающему свою тождественность со Христомъ или Богородицей, *живо* (хотя и иллюзорно) *чувствующему* эту тождественность, *холодно разъясняется правое ученіе* о 2-мъ лицѣ Св. Троицы и о лицѣ Богоматери.

Вмѣстѣ съ утратой истиннаго пути къ Богу (въ наукѣ и жизни) риза Христова стала раздираться. Но Господь, хранящій Церковь Свою и изъ злаго выводящій благое, самое раздираніе обращаетъ въ укрѣпленіе. И толстовство, и пашковщина, и всякое иное сектантство, философскій и экономическій матеріализмъ, и многое другое являются печальнымъ, но неизбѣжнымъ коррективомъ современнаго христіанства, точнѣе сказать—православія. И мы—православные обязаны, вдумавшись въ эти явленія, принять ихъ къ свѣдѣнію, какъ *урокъ* и какъ *упрекъ* себѣ.

Нечего скрывать, что Толстой напр. всколыхнулъ стоячую воду нашей богословской мысли, заставилъ встрепенуться тѣхъ, кто

спокойно почивалъ на подушкѣ, набитой папирусными фрагментами и археологическими малонужностями. Онъ явился могучимъ протестомъ какъ противъ крайностей учредительныхъ увлеченій 60-хъ годовъ, такъ и противъ мертвенности ученаго догматизма и безжизненности церковнаго формализма. И спаси, и просвѣти его Богъ за это!—Какъ ни однобоко*) почти все, что вѣщалъ намъ Толстой, но оно, это однобокое, было нужно, такъ какъ мы—православные забыли эту, подчеркнутую имъ, сторону Христова ученія, или, по крайней мѣрѣ, лѣниво къ ней относились. Призывъ Толстого къ цѣломудрію (тоже, правда, однобокому), воздержанію, простотѣ жизни, служенію простому народу и къ „жизни по вѣрѣ“ вообще—былъ весьма своевременнымъ и дѣйствительнымъ.

И мы должны, отвергнувъ все неправое въ его писаніяхъ, принять къ свѣдѣнію и, главное, къ исполненію то доброе, что онъ выдвигалъ въ Евангеліи въ укоръ намъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ должны показать, что *истинное разумѣніе*, а тѣмъ болѣе *достиженіе* нравственнаго идеала Евангелія возможно только при условіи правой вѣры, т. е., въ Церкви.

*) Глубоко и остроумно освѣтилъ эту однобокость Вл. С. Соловьевъ въ своихъ „Трехъ разговорахъ“.

Сектантамъ съ ихъ исканіемъ *живаго* Христа и *естественнымъ* протестомъ противъ крайностей обряда, за которымъ они проглядѣли,—*не безъ нашей опять таки вины*,—истинное сокровище Церкви, мы должны отвѣчать не отрицаніемъ законности этого искания, якобы *только плода гордости и повода къ прелести**), а указаніемъ безобманнаго пути, на которомъ обрѣтается *подлинный живой Христосъ*, обѣщавшій сотворить Себѣ обитель въ любовно преданномъ Ему сердцѣ (Іоан. XIV, 23).

Всѣмъ имъ, ищущимъ живой вѣры и благой жизни, мы должны отвѣчать тѣмъ, въ чемъ *искренніе* искатели того и другаго нашли бы осуществленіе своихъ *законныхъ* стремленій.

Безрелигіознымъ радѣтелямъ о матеріальномъ благосостояніи труждающихся и обре-

*) „Впасть въ прелесть“ можно и живя въ Церкви. Чтобы избѣжать сѣтей ея, надежнѣе всего имѣть *опытнаго* въ духовной жизни руководителя, а за неимѣніемъ *такового* слѣдуетъ неуклонно руководиться писаніями православныхъ подвижниковъ (См. „Что потребно покаявшемуся“ еп Ѳеофана и „Уставъ„ преп. Нила Сорскаго), каковы: „Добротолюбіе“, „Путь къ спасенію“ еп. Ѳеофана. „Письма о духовной жизни“ его же. Сочиненія еп. Игнатія Брянчанинова, особ. 1 и 2 т. и др.

мененныхъ тѣлесно мы должны отвѣтить не обвиненіемъ ихъ въ „соціализмѣ“, а, не прибѣгая къ подобнымъ „жупеламъ“, противопоставить ихъ предпріятіямъ образованіе христіанской общественности и истинно христіанскую, не копѣечную, а опредѣляемую мѣрою нужды благотворительность, какъ это и *было* въ первоначальномъ христіанскомъ обществѣ, когда у вѣрующихъ было *„одно сердце и одна душа“* (Дѣян. IV, 32). Мы теперь *подозрительно* смотримъ и на попытки сектантовъ устроиться экономически на началахъ, чуждыхъ нашему *языческому* строю жизни, забывая, что *въ примѣръ намъ* передано въ Дѣяніяхъ Апостоловъ, что изъ вѣрующихъ „никто ничего изъ имѣнія своего не называлъ своимъ, но все у нихъ было *общее*“ (Дѣян. IV, 32). А возможно это было потому, что всѣ они—вѣрующіе имѣли *общаго* Христа Господа *подлинно* живущимъ въ сердцахъ своихъ.

Суровымъ, часто можетъ быть несправедливо-придирчивымъ, но благожелательнымъ обличителямъ нашего государственнаго порядка мы должны отвѣтить не злобнымъ упрекомъ въ неблагонамѣренности, а искреннею ревностью о водворенін у насъ *дѣйствительно христіанскаго* политическаго строя

жизни, что возможно лишь при условіи, если государственные дѣятели, большіе и малые, будутъ не только въ личной жизни, *но и въ своемъ государственномъ служеніи „ходить передъ Богомъ“, носить Христа въ сердцѣ своемъ, дѣйствовать во имя Его....* Если пошлетъ Господь *такихъ* дѣлателей на ниву нашей государственной жизни, что свершится, конечно, не безъ нашей *сердечной* (а не показной и заказной) *молитвы* (Лк. X, 2) и не безъ нашего *добросовѣстнаго содѣйствія*, то дѣйствительно только завистливая, преступная Корео-Дафано-Авироновская неблагонамѣренность осмѣлится поднять голосъ противъ вождей народа Божія.

Людямъ внѣшняго знанія мы должны отвѣтить не противопоставленіемъ пятичувственному опыту вѣры, какъ довѣрія къ *внѣшнему* авторитету, а указаніемъ на возможность *инаго опытнаго* знанія, вводящаго человѣка въ иной *реальнѣйшій* міръ бытія, при условіи слѣдованія методу, выработанному и хранимому во Вселенскомъ Училищѣ, Ипостасною Премудростью основанномъ: *въ нѣдрахъ* этого *новаго* міра предлежитъ человѣку почерпнуть *новое вѣдѣніе* и относительно *этой текущей* и *преходящей*, но столь любезной ему дѣйствительности....

И въ самомъ дѣлѣ, вѣдь если всѣ многочисленные ученики и воспитанники названнаго училища, упомянутые нами и не упомянутые, прославленные Богомъ и не прославленные, правы въ своемъ единодушномъ утвержденіи, что въ воскресеніе Христово мы не только „*вѣримъ отъ слышанія*“, но можемъ „*зрѣть его собственными очами*“ *), иначе сказать, что воскресеніе Христово есть *опытно* дознаваемая истина, то тогда, значитъ, *единственный по важности* историческій фактъ, оспариваемый однако лженаучной критикой, оказывается *опытно* удостовѣреннымъ.

Примѣчательно, что необычайности событія соотвѣтствуетъ необычайность метода изслѣдованія. Обыкновенно явленіе, о коемъ говоритъ *вѣрующая* молва, провѣряется свидѣтельствомъ очевидцевъ и современниковъ, психологическій фактъ ищетъ себѣ подтвержденія во внѣшнемъ удостовѣреніи, въ свидѣтельскомъ показаніи; въ *данномъ единственномъ* случаѣ историческое свидѣтельство, оспариваемое раціонализмомъ, опирающимся на контръ-свидѣтельства, подтверждается не сильнѣйшими современными свидѣтельства-

*) Конечно, съ весьма различной степенью ясности и отчетливости.

ми и не (одними) соображеніями историческаго прагматизма, а психологіей лица,—и какого лица?! Не чудесное ли дѣло: простолюдина, почти младенца, еле умѣющаго отличить правую руку отъ лѣвой! Ибо то, о чемъ свидѣтельствуетъ разнородный сонмъ святыхъ Божіихъ, можетъ быть достояніемъ всякаго *простеца*. (Вспомнимъ Св. Павла, ученика Св. Антонія Великаго). Гдѣ, какъ не тутъ, въ этомъ центральномъ пунктѣ христіанства, воскресеніи Христовомъ, посрамлена мудрость книжниковъ и совопросниковъ всѣхъ вѣковъ?!

Если же мы *удостовѣрительно* знаемъ, что Христосъ воскресъ, то отсюда слѣдуетъ не только то, что *вѣра* наша *не тщетна*, и мы можемъ выйти изъ подъ власти грѣха (I Кор. XV, 17) въ свободу славы дѣтей Божіихъ (Рим. VIII, 21), но и то, что сокровищница всякой премудрости и *вѣдѣнія* открыта передъ нами (Кол. II, 3).

Вѣдь если Христосъ воскресъ, то весь клубокъ истинъ Писанія раскатывается самъ собой. Недаромъ такой талантливый и ученый противникъ Христа, какъ Штраусъ, полагалъ, что оставить не опровергнутымъ фактъ воскресенія, эту твердыню христіанства, значитъ оставить *все* зданіе его. Не

безъ разума другой талантъ, антихристъ въ жизни и исповѣдникъ Христа въ словѣ, Наполеонъ говорилъ генералу Бертрану, что съ признаніемъ воскресенія Христа, т. е., Его Богочеловѣчества, христіанство является *математически стройной, несокрушимой* системой.

Итакъ, если Христосъ воскресъ и *слѣдовательно Св. Писаніе истинно*, то *историку* уже нельзя вѣрить въ безконечный прогрессъ на землѣ; *экономисту* считать желудокъ основнымъ двигателемъ (исторической) жизни, а производительность земли независимой отъ религіозно-нравственнаго состоянія человѣка; *зоологу* нельзя признавать неизмѣнной нормой борьбу за существованіе; *астроному*—видѣть въ движеніи планетной системы бездушную механическую силу, управляемую слѣпымъ рокомъ; *физику*—утверждать всеобщность закона тяготѣнія, не выпускающаго изъ подъ своей желѣзной руки и свободно-разумнаго существа человѣка; *моралисту* нельзя строить правила поведенія человѣка на основаніи выводовъ, сдѣланныхъ изъ наблюденій надъ животными; *психологу* и *историку литературы* нельзя обозрѣвать движеній человѣческой души, смѣны типовъ и характеровъ внѣ ихъ отно-

шенія къ Солнцу Правды—Христу; *философу* нельзя и теорію познанія, и все зданіе философіи опирать на познавательныя силы одного лишь „натуральнаго“ человѣка, мудрствовать по стихіямъ міра, а не по Христу (Кол. II, 8); серьезному *политику* нельзя съ высокомѣрной снисходительностью относиться къ указанію на *теократическій* строй царства Еврейскаго.

Изображеніе процесса и финала всемірной исторіи по указаніямъ Слова Божія не должно уже вызывать насмѣшки историка.

Молитвы о дождѣ, раннемъ и позднемъ, объ умноженіи плодовъ земныхъ, объ избавленіи отъ глада не должны удивлять экономиста.

Левъ, послушный старцу Герасиму, и медвѣдь, питающійся отъ трапезы преп. Сергія, не должны вызывать недовѣрія со стороны зоолога.

Солнце, остановившееся надъ долиною Аіалонскою, не должно вызывать ироническої улыбки на устахъ астронома.

Марія Египетская, переходящая рѣку по поверхности воды, не должна казаться существомъ фантастическимъ физику.

Отрѣшеніе сотенъ и тысячъ людей не только отъ брака, но и отъ какихъ либо

чувственныхъ влеченій не должно представляться страннымъ или невозможнымъ моралисту и безумнымъ психіатру.

Изученіе не только „естественной“, но и „возрожденной во Христѣ“ души человѣческой не должно ли входить въ обязанность психолога?

Попытка оцѣнивать писателей, этихъ руководителей человѣческой мысли и совѣсти, съ точки зрѣнія идеала Христова, съ точки зрѣнія пѣстунствованія людей во Христа, не есть ли прямой долгъ историка литературы?

Не надлежитъ ли истинному „другу мудрости“, минуя Сциллу раціонализма и Харибду эмпиризма, устремляться въ тихія, безконечно глубокія и необозримо широкія, текущія въ жизнь вѣчную, воды „духовнаго вѣдѣнія“?

Возлюбленный пѣвецъ и рабъ Іеговы, типичный царь теократическаго царства, не долженъ ли приковывать къ себѣ вниманіе того кому вручаются судьбы роднаго государства?

А все это вмѣстѣ взятое должно быть очень близко уму, сердцу и совѣсти христіанскаго богослова, не того, конечно, богослова, который, смертельно ранивъ сначала себя холоднымъ ножемъ безплоднаго анализа,

затѣмъ совершаетъ ту же жизнеубійственную операцію надъ живыми душами будто бы просвѣщаемыхъ ими собратій, а того, который, непрестанно припадая жадными устами къ вѣчнотекущему Источнику воды живой, напояетъ ею и оживляетъ даже замирающія сердца человѣческія....

Свое немощное и весьма несовершенное слово я позволю себѣ закончить сильнымъ, глубокимъ и сладостнымъ обращеніемъ къ Господу Св. Отца нашего Исаака Сирина:

„Сподоби насъ, Господи, познать и возлюбить Себя не тѣмъ вѣдѣніемъ, какое пріобрѣтается чрезъ упражненіе съ расточеніемъ ума, но сподоби насъ того вѣдѣнія, въ которомъ умъ, созерцая Тебя, прославляетъ естество Свое въ созерцаніи, похищающемъ у мысли ощущеніе міра.... Исполни сердца наши жизни вѣчной; да возсіяетъ въ нихъ Истина Твоя, Христе, *полнота* истины, и да познаемъ, какъ по волѣ Твоей ходить путемъ Твоимъ!“

Идя навстрѣчу пробуждающемуся въ нашемъ обществѣ интересу къ вопросамъ религіозно-философскаго характера, группа лицъ, связанныхъ между собою христіанскимъ единомыслiемъ, приступила къ изданію подъ общимъ заглавіемъ „Религіозно-философской Библіотеки“ ряда брошюръ и книгъ, дающихъ посильный отвѣтъ на выдвигаемые жизнью вопросы.

Лица, желающія вступить въ сношеніе съ редакціей „Библіотеки“ по тѣмъ или инымъ вопросамъ или желающія получать дальнѣйшіе выпуски наложеннымъ платежемъ, благоволятъ обращаться къ Михаилу Александровичу Новоселову въ г. Вышній Волочекъ.

15 Января
1902 г.

ОПЕЧАТКИ:

Стран.	Строка.	Напечатано.	Надо читать.
3	9 сн.	понудильно	поцудительно
6	6 св.	истинѣ	истинѣ
10	4 „	поучасть	поучастъ
—	12 „	сердцахъ	сердцахъ
17	11 сн.	яено	ясно
23	4 св.	еовѣсть	совѣсть
34	4 сн.	и нужное	и нужное
52	1 св.	вопоминаю	вспоминаю
68	13 „	Себя	Тебя
—	17 „	Свое	Твое

Цѣна **25** коп., съ пересылкой **30** коп.

Продается въ книжныхъ магазинахъ **Москвы** и **Петербурга**.

Выписывающіе непосредственно отъ ***М. А. Новоселова,*** (г. Вышній-Волочекъ, Тверской губ.) на сумму менѣе 1 рубля могутъ высылать марками.